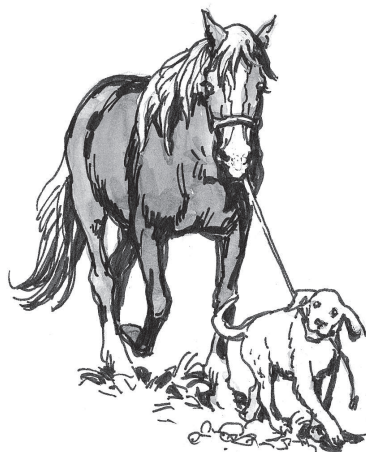

К. Д. УШИНСКИЙ, А. И. КУПРИН,
И. С. ШМЕЛЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ,
АННА СЬЮЭЛЛ, Э. СЕТОН-ТОМПСОН...

Большая книга про лошадок

УДК 821.161-1-93
ББК 84(2Рос-Рус)я43
Б79

Рисунки Нонны Алёшиной

Б79 Большая книга про лошадок: [рассказы, повесть, роман] / К. Д. Ушинский, А. И. Куприн, И. С. Шмелев и др. ; худож. Н. Алёшина. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 253, [3] с. : ил. — (Большая книга историй).

ISBN 978-5-17-164709-4.

В «Большую книгу про лошадок» вошли известные произведения русских и зарубежных классиков: А. И. Куприна, И. С. Шмелева, Анны Сьюэлл, Э. Сетона-Томпсона и многих других авторов. Черный Красавчик, Мэри, Изумруд, Мальчик, мустанг-иноходец, Догони-Ветер — имена этих лошадей навсегда останутся в мировой литературе, ведь их истории трогательны и пронизывают до глубины души, а главное — помогают понять, насколько сильны и умны лошади и какими хорошими друзьями эти животные могут стать для человека.

Произведения включены в программу школьного и внеклассного чтения.

Иллюстрации Нонны Алёшиной.
Для среднего школьного возраста.

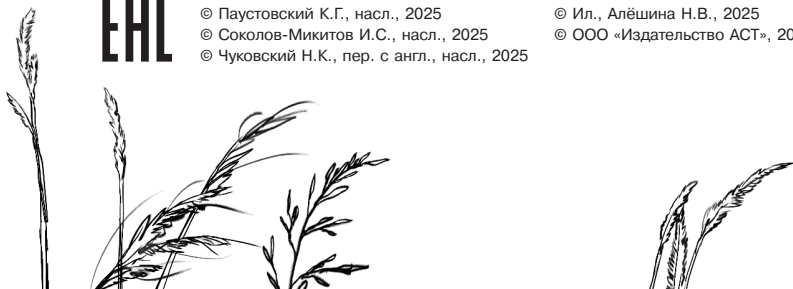
12+

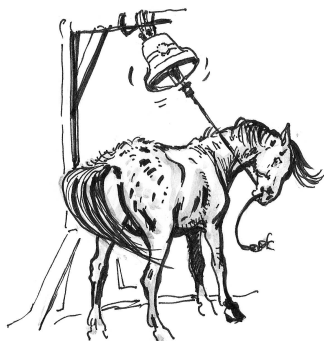
УДК 821.161-1-93
ББК 84(2Рос-Рус)я43

ЕАС

© Паустовский К.Г., насл., 2025
© Соколов-Микитов И.С., насл., 2025
© Чукковский Н.К., пер. с англ., насл., 2025

© Ил., Алёшина Н.В., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

К. Д. Ушинский

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно все, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на

золоте и на серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ

были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почуяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забегал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь.

Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня!

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена клочьями валилась на землю.

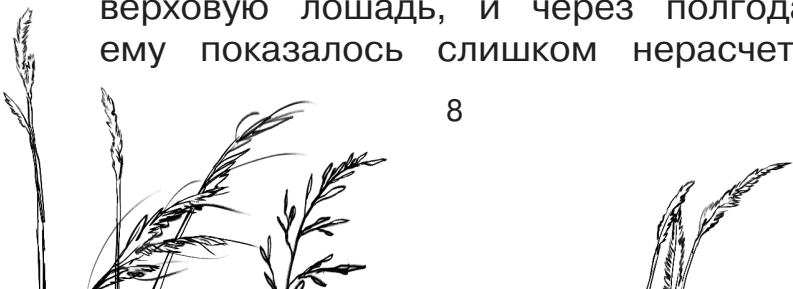
Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп.

Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчет-

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ

ливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере.

Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне.

Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте, но наконец голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадет ли где-нибудь хоть клоч соломы со

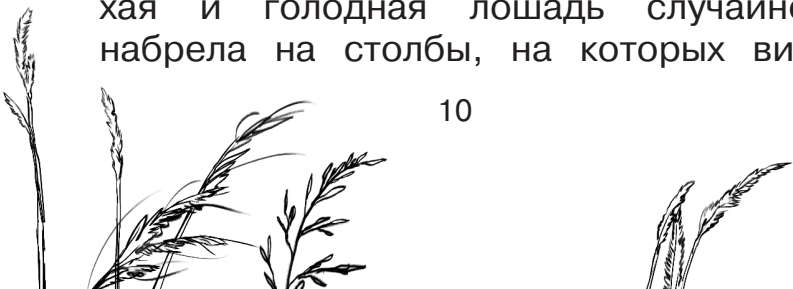

старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты.

Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых ви-

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ

сел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать: колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты.

Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина — и удивились, увидя посреди площади бедного коня — слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечерней колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; и, несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить

К. Д. Ушинский

ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади...

И. Соколов-Микитов
ФУРСИК

Это был гнедой, очень маленький и очень добрый деревенский меринок, с начинающейся от репицы черной полосой, тянувшейся по растертому седелке и изъеденному слепнями хребту и переходившей в жесткую, сбитую на левый бок, полную репья гриву, длинную не по росту. Грива жестким клоком свешивалась на узкий лоб и заслоняла глаза; поэтому у Фурсика установилась привычка постоянно кланяться, поматывая головой. Кланялся он, впрочем, и тогда, если бывал чем-нибудь обрадован или доволен. Он кланялся восходящему солнцу, покрытому росой лугу, студеной

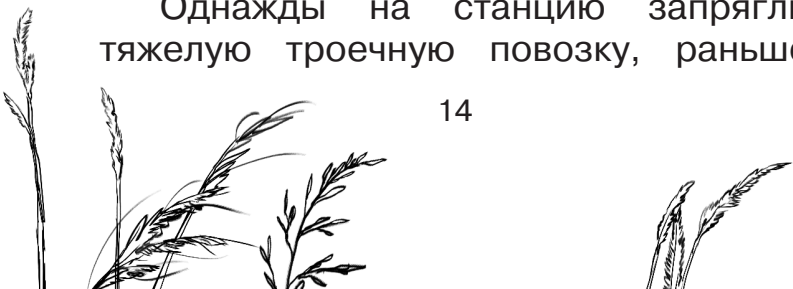

воде в ручье и всем лошадям и людям, которые почему-либо возбуждали в нем доброе чувство.

Лицо его, пожалуй, было красиво. Голову он имел сухую, костистую, с запавшими висками; ноздри тонкие, бархатные, чуть поросшие седой шерсткой, по которой скатывались прозрачные капли; нижняя губа несколько отвисала, выражая мягкость нрава; однако он ею мог подбирать самый мелкий подсев, годившийся разве для овец. Глаза же его были прекрасны, выражалась в них неведомая человеку грусть и беспредельная покорность.

В работе Фурсик оказался необыкновенно вынослив. Невелики были его силенки, но усталости он не знал. С готовностью подвижника отдавался он работе, и не было случая, чтобы он играл хомутом или слабил постромки. В плугу и в оглоблях он отдавал все свои силы, никогда не останавливался и, если бы пришлось, тянул бы до последнего вздоха.

Однажды на станцию запрягли тяжелую троичную повозку, раньше

не вывозившуюся из сарая. Пристегнули Фурсика. Он бежал мелко, не отставая и выкидывая маленькую блестящую подкову на задней ноге.

До станции считали пятьдесят с гаком. И на следующий день в селе увидели, как запряженная одним Фурсиком повозка медленно возвращалась, а сзади на поводках шли Вороной и Сокол. У молодого и хвастливого Сокола смешно подвертывались задние ноги, временами он останавливался и натягивал поводья, и Фурсик тащил тогда не только экипаж, но и насмерть уставшего Сокола, который от слабости непрерывно наполнял воздух запахом прелого сена.

Фурсик и не подумал похвастать, когда его отпрягли и выпустили на луг (его не боялись горячего выпускать, зная его осторожность и опыт). Он не побежал, не лег сейчас. Спокойно и медленно, испытывая в теле сладость освобождения от хомута и сбруи, он выбрал место и повалился, давя мыльной спиной желтые одуванчики и белую кашку с завязшими в

